

Сущее и должное: социология изучения России в США

Андрей Павлович Цыганков, Калифорнийский университет,
Сан-Франциско, США

Контактный адрес: andrei@sfsu.edu

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс формирования знаний о России в американской академической науке после завершения холодной войны. Гипотеза статьи заключается в том, что формирование знания в основном отражает социальные и национально-культурные условия страны и ее исследовательского сообщества. При том, что немало ученых стремятся к объективности и этической отстраненности от объекта своего исследования, они чаще всего подходят к его изучению с позиций, отражающих и проецирующих интересы и ценности обществ, в которых работают. Эта гипотеза сформулирована в рамках предпринимаемого в статье социологического подхода к формированию знания, предполагающего осмысление условий его формирования и социальных запросов, которым оно отвечает. Американские знания о России, которую они длительное время рассматривали и продолжают рассматривать как угрозу и вызов интересам и ценностям США, несут на себе печать национальных допущений, предпочтений, убеждений и эмоций. Изучая сущее, они далеко не всегда способны освободиться в своем сознании от американского понимания должного, проецируя в свои исследования то, как, по их мнению, следует развиваться России. Со второй половины 2000-х гг. – данный разрыв углубляется. По сравнению со временем холодной войны, знания о России в Америке утратили прежний статус приоритетности и привилегированности, стали более политизированными, особенно, в вопросах, затрагивающих международную безопасность и политику ценностей. Кроме того, эти знания вписаны в общепринятые на Западе теории международных отношений и сравнительной политики. Эти изменения отражают снижение статуса России в международной иерархии в сравнении с США и возросшую убежденность американских ученых-обществоведов в универсальной значимости своих подходов и теорий. Современная Россия все чаще воспринимается как развивающаяся в неверном направлении, угрожая западным «либерально-демократическим» ценностям и безопасности, а своим стремлением быть «империей» - и самим структурам современного общества. Хотя не все американские исследователи разделяют такого рода концепты и теории, последние выражают настроения мейнстрима как в политике, так и в науке. Заключительная часть подводит итоги, а также обсуждает возможности формирования менее предвзятых и идеологически нагруженных знаний о России. Подходы к получению таких знаний в США существуют, хотя и не доминируют.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социология знания, Россия, США, либерализм, реализм, империя

Введение

Объект внимания данной статьи – связанные с изучением России американские исследования в области международных отношений и сравнительной политики. Эти исследования уже не сосредоточены, как ранее, преимущественно на России. Во всяком случае, после завершения холодной войны такой интерес неуклонно снижался. Таяло финансирование, постепенно исчезали вакансии на места специалистов по России и Евразии в университетах. В случаях ухода прежних специалистов на пенсию, эти места нередко заполнялись специализирующимися в вопросах глобальной политэкономии, Азии и методологии общественных наук. К последним в США чаще всего относят способных преподавать теорию игр, статистические и формальные методы сбора и анализа эмпирических данных. Иное дело – слависты, число которых также снизилось, но осталось стабильным в целях преподавания, пусть в урезанных пределах, русского языка и литературы. В целом, в общественных науках США еще в большей степени, чем ранее, уверовали в технократические решения и первопроходство Америки в получении универсально применимых знаний о мире.

Возможно, интерес к России и регионоведению возрастет после окончания военного конфликта на Украине, особенно если его результаты приведут к снижению роли США и Запада в международных отношениях. По мере того, как Запад будет воспринимать свои позиции ослабленными, а внешние угрозы – возросшими, возможно возрождение интереса к пониманию других культур, изучению их истории, языков и традиций, хотя бы в прагматических целях самосохранения. Ведь именно так в начале холодной войны формировался интерес к изучению СССР и финансированию советологии. Большая часть последней стремилась не столько вписать изучение России в обществоведческие теории, сколько осмыслить русскую историю и характер мышления через призму возможных угроз Америке. Поэтому, если отношения России и США вступают в состояние, напоминающее новую холодную войну, то и интерес американских исследователей по-прежнему будет интересом к стране-угрозе.

Данная статья оценивает процесс формирования знаний о России в американской академической науке после завершения холодной войны и в сравнении с предшествовавшим периодом. На наш взгляд, перспективным является социологический подход к пониманию формирования знания. Согласно этому подходу¹, знания об обществе трудно отделить от того, в каких условиях они формируются и каким социальным запросам отвечают. По своему происхождению и источникам (включая финансирование), большинство академических проектов весьма конкретны и стремятся решать определенные социально значимые задачи. Гипотеза статьи заключается в том, что формирование знания в основном отражает социальные и национально-культурные условия страны и ее исследовательского сообщества. При том, что немало ученых стремятся к объективности и этической отстраненности от объекта своего исследования, они чаще всего подходят к его изучению с позиций, отражающих интересы и ценности обществ,

1 Цыганков, Цыганков 2006.

в которых работают. Изучая сущее, наука является частью общества, а не вышается над ним, и американские ученые не составляют исключения. Их знания о России, которую они длительное время рассматривали и продолжают рассматривать как угрозу и вызов интересам и ценностям США, не могут не нести на себе печать национальных допущений, предпочтений, убеждений и эмоций. Поэтому, изучая сущее, они далеко не всегда способны освободиться в своем сознании от американского понимания должного, проецируя в свои исследования то, как, по их мнению, должна развиваться Россия. Сущее и должное в их понимании не совпадают, и с течением времени – по крайней мере, со второй половины 2000-х гг. – данный разрыв углубляется. Все большее количество экспертов и специалистов по России с этого времени рассматривают ее как развивающуюся в «неправильном направлении». Многих из них это разочаровывает, однако критике подвергаются не столько методы тех, кто не предсказал такого развития событий, сколько сама Россия и ее руководство.

В следующем разделе подробнее рассматриваются характер формирования знаний о России в США и его причины. Во-первых, по сравнению со временем холодной войны, знания о России утратили прежний статус приоритетности и привилегированности. Во-вторых, они стали более политизированными, особенно в вопросах, затрагивающих международную безопасность и политику ценностей. В-третьих, знания о России вписаны теперь в общепринятые на Западе теории международных отношений и сравнительной политики. Эти изменения отражают как резкое снижение статуса России в международной иерархии в сравнении с США, так и возросшую убежденность американских ученых-обществоведов в универсальной значимости своих подходов и теорий. С точки зрения этих подходов и теорий, современная Россия все чаще воспринимается как «неправильно» развивающаяся страна, угрожая западным «либерально-демократическим» ценностям и безопасности, а своим стремлением быть «империей» – даже самим структурам современного общества. Хотя не все американские исследователи разделяют такого рода концепты и теории, последние выражают настроения мейнстрима как в политике, так и в науке. Статья рассматривает данные теории как проекцию исследовательских ожиданий и страхов в отношении России.

Заключительная часть подводит итоги, а также обсуждает возможности формирования менее предвзятых и идеологически нагруженных знаний о России. В идеале такие знания основывались бы на стремлении понять ее изнутри, а также на более рефлексивном отношении к ценностям и интересам самой Америки. Подходы к получению таких знаний в США существуют. Во избежание опасностей идеологизации науки, к этим подходам стоит присмотреться внимательнее.

Формирование знаний о России в США

После завершения холодной войны и распада советского государства советология и сосредоточенность на специализированном изучении России (русология) умерли сразу в двух смыслах. Во-первых, с исчезновением СССР отпала необходимость в специализированном изучении советской политики. Во-вторых, постепенно ушли из употребления и специализированные советологические методы познания СССР. К ним относились не только пресловутые методики чтения

передовиц главной партийной газеты «Правда» и анализа фотографий вождей и публикаций на первых полосах газеты, но и знание истории, культуры и традиций России.

На смену советологам пришло поколение ученых, убежденных в универсальной ценности американской либеральной теории и общенаучных методов познания. Предполагалось, что теперь, в эпоху глобализации и глобального доминирования в США, разовьются наконец универсальные, создаваемые в стране теория и методологический инструментарий по изучению международных отношений. Россия должна была стать частью глобально-западного сообщества, отказавшись от советского и имперского прошлого в пользу институтов либеральной демократии, рыночной экономики и национального государства.

Соответственно, и изучать Россию следовало теперь, опираясь на разработанные компаративистами и международниками «универсальные» теории. Компаративисты преуспели в развитии теорий «перехода от авторитаризма к демократии»¹. Международники ко времени окончания холодной войны сформулировали либеральный и структурно-реалистский подходы к пониманию мировой политики². Либералы, по существу, делали ставку на развитие процессов демократии, полагая, что демократии не воюют друг с другом и что это подготовит постепенное исчезновение войн в мире³. Американские либеральные политики наподобие президента Дж. Байдена по-прежнему руководствуются этими идеями. Реалисты, начиная с К. Уолтца, разработали теорию структурной анархии, согласно которой все государства-великие державы склонны к взаимному недоверию, независимо от характера их политического режима⁴. Впоследствии, основатель наступательного реализма Дж. Миршаймер сделал из логики анархии и недоверия вывод, что государства готовы воевать и стремиться к региональному и мировому доминированию как окончательному средству обеспечения своей безопасности⁵.

При этом как либералы, так и реалисты исходили из наличия единого для всех государств стандарта поведения, задаваемого – вне зависимости от их истории, культуры и системы восприятия – характером внутривнутриполитического режима (либералы) или структурой международных отношений (реалисты). Предполагалось, что и Россия будет руководствоваться во внешней политике стандартами демократии и стремлением к безопасности от внешних угроз. Заметными исключениями из этого политического и академического мейнстрима стали культурологические и конструктивистские теории, подчеркивающие значимость исторического, религиозного и социокультурного опыта в восприятии международного окружения⁶. Сегодня из этих исключений выросло научное направление, сосредоточенное на изучении цивилизаций в мировой политике⁷.

1 Transitions 1991; Transitions 2013.

2 Ikenberry 1989; John Mearsheimer, "Why We Will Soon Miss the Cold War," The Atlantic Monthly, August 1990, accessed June 16, 2024, <https://www.theatlantic.com/past/docs/politics/foreign/mearsh.htm>; Fukuyama 1992.

3 Критический анализ этих идей предпринимался в: Цыганков, Цыганков 2005.

4 Waltz 1979.

5 Mearsheimer 2001.

6 Katzenstein 1996; Huntington 1996.

7 Inayatulla, Blaney 2004; Katzenstein 2009; Zarakol 2022.

Методологическим стандартом академического мейнстрима были и остаются позитивистские разработки и подходы. Их задача и смысл – проверка причинно-следственных гипотез, выработанных на основе описанных западных теорий. Например, речь идет о выявлении причин использования силы в международных отношениях и формулировании условий, при которых дипломатия оказывается бессильной.

Ограниченность позитивизма и его методик связаны с постановкой вопроса о (внешних) причинах, а не (внутренней) мотивации или истории происхождения социального явления. В отличие от методов интерпретации, позитивизм исходит из предзаданных теоретических допущений и не стремится поставить их под сомнение. Не задаваясь вопросами о внутреннем контексте и исторических корнях явления, позитивизм считает эти вопросы в основном решенными или по крайней мере не поддающимися серьезной проверке фактами. Тем самым позитивизм освобождает себя от влияния социального и идейно-ценностного контекста и потому более других методов склонен считать полученные при его помощи результаты универсальными. В действительности, полученное позитивизмом знание не является ни универсальным, ни ценностно-нейтральным. Оно способно принести серьезные результаты, лишь если условия социального контекста и исторического происхождения явления предзаданы или относительно постоянны.

Применительно к России доминирование общенаучных позитивистских подходов означает неспособность сделать основной познания отличие российского исторического и культурного контекста от западного. Сформулированная как универсально-западная, теория оказывается недостаточно конкретной и может напоминать идеологию, не объясняя, в каких национально-ценностных границах она может быть применима или опровергнута.

Пример такого рода претендующей на универсальность, а в действительности недостаточно конкретной теории – теория так называемой гибридной войны, которую якобы ведет против западных стран в глобальном масштабе Россия. Действия России на Украине и в Европе в целом, а также Сирии, Венесуэле, Ливии нередко оцениваются западными специалистами и политиками как результат гибридной агрессии Москвы против Запада. Отличающееся от западного преподнесение новостей в российских СМИ также нередко классифицируется как агрессивное по определению. Определение агрессии и гибридности, таким образом, чрезвычайно широко и способно включить в себя практически любое проявление российской внешней политики¹.

С легкой руки западных экспертов теория вошла в западный внешнеполитический лексикон, как уже произошло с ранее обсуждавшейся теорией демократического мира. Теорию гибридной войны справедливо подвергают критике как недостаточно конкретизированную, основанную на нереалистичных предположениях и в целом склонную скрывать, а не прояснять международное поведение России². Широкое использование этой теории демонстрирует, что, несмотря на

1 Suchkov 2021

2 Renz 2018; Tsygankov et al. 2021.

репутацию беспристрастности, эксперты и ученые нередко становятся заложниками группового политического и идеологического мышления. Руководствующие своими ценностями западные эксперты не видят в российском поведении ничего, кроме агрессии и никаких иных мотивов, кроме враждебности либеральным демократиям Запада. Обостренные условиями международного кризиса политико-ценностные и идеологические допущения подменяют собой теорию, делая упор лишь на подтверждающих ее фактах и игнорируя все остальное.

«Авторитарный режим» против «либеральной демократии»

По мере того, как российское политическое устройство трансформировалось с приходом В. Путина к власти в систему, далекую от западных стандартов, изменились и американские подходы к ее осмыслению. Ранее активно развивающаяся индустрия «переходов к демократии» преобразовалась в исследования «автократии» во главе с Россией и Китаем. Нередко эти исследования проводятся с участием тех же авторов вроде М. Макфола и С. Фиша, которые ранее убеждали научную общественность в российской демократической трансформации¹.

Проблема в том, что современные исследования «автократии», как и прежние работы о «демократии» не демонстрируют чувствительности к контексту и специфике изучаемого предмета. Российскую систему изучают не как таковую, с присущими ей формальными и неформальными особенностями, а как удовлетворяющую или не удовлетворяющую заранее заданным «демократическим» критериям и требованиям. Даже когда исследователи признают, что у «путинской автократии» имеется значительная поддержка в обществе², они не подвергают ревизии их собственную терминологию и не пытаются анализировать российскую систему в контексте ее собственной истории и теорий политики. Пример – книга известного компаративиста Т. Фрая, которая выявляет ограничения верховной власти России, но при этом описывает российскую систему как «персоналистскую» и «автократичную», сравнивая ее с себе подобными в Венгрии, Турции и др.³ Исследователь ставит целью проанализировать сильные и слабые стороны системы (последние оказываются заметней). Российская система оказывается таким образом нормализована, т.е. описана через сравнение с другими «автократиями».

На основе осмысления России как персоналистского автократического режима американские исследователи либеральной ориентации делают выводы и о внешней политике страны. Им кажется естественным и логичным, что внешняя политика «автократии» не может не представлять для американской «демократии» угрозу. При этом многие из них убеждены, что глобальное распространение демократии и развитие военного превосходства США являются сторонами одной и той же медали. Есть и примеры того, как одни и те же авторы выступают в своих работах за необходимость ядерного превосходства США и выход за пределы способности нанесения ядерного удара, а также за распространение

1 См., например, их ранние работы: Fish 1995; McFaul 1997.

2 Greene, Robertson 2019.

3 Frye 2021.

демократии как наилучшего способа преуспеть в реализации международной «большой стратегии».

Хорошая новость для такого рода исследователей заключается в том, что великодержавная и «антизападная» политика России держится, по их мнению, на внутренней слабости «персоналистского» (хотя и популярного) режима. Пример такого осмысления внешней политики России – книга К. Стоунер о силе и слабости великодержавной политики страны¹. Исследовательница рассматривает Россию как достаточно сильную мировую державу со слабыми внутривнутриполитическими основаниями. Подобно упомянутым выше авторам, она убеждена, что созданная Путиным система правления является признаком слабости России и мешает определить ее действительные национальные интересы. По ее мнению, Путин действует не столько в интересах защиты страны, сколько против них. Мотивы российской «агрессии» на Украине, вмешательство в американские и иные выборы, информационная политика и пр. являются не столько реализацией национальных интересов страны, сколько результатом деятельности путинского «режима». По убеждению К. Стоунер, внутренне уязвимый «автократический режим» зависит от внешнеполитической агрессии и нуждается в ней для прикрытия своей недостаточной легитимности, поэтому следует надеяться, что с уходом В. Путина политика России существенно изменится под влиянием стремящегося к переменам российского гражданского общества. До тех же пор, имея в виду характер режима, серьезное сотрудничество с ней невозможно и разговор должен вестись с позиций силы, особенно в части развития демократии и прав человека. Развитие военного конфликта на Украине с февраля 2022 г. лишь укрепило американских авторов в собственной правоте. В мотивах России увидели стремление автократического режима восстановить власть и империю в бывшем СССР и сокрушить американские либеральные ценности. После президентских выборов 2016 г. в США не только журналисты, но и академические исследователи утверждали, что Россия преследовала цель сменить демократический режим в Америке на автократический². При таком уровне паранойи вполне ожидаемы страхи, что в случае победы на Украине неизбежна широкомасштабная военная экспансия России в Европу и вытекающий из этого военный конфликт России и стран НАТО.

Нетрудно видеть, что такого рода исследования проецируют на Россию ожидания и страхи их авторов. Западные фобии перед отличающимся и непонятым остаются значительными. В упомянутых исследованиях не найти ни критической рефлексии относительно проблем самой «либеральной демократии», ни попыток осмыслить российскую политическую траекторию в ее собственных исторических циклах. Ограниченность такого компаративного взгляда через призму западного восприятия – в относительно слабой способности увидеть национально-особенное³. В свое время С. Коэн называл такого рода исследования «изучением России без России»⁴ и был отчасти прав. Выделение обще-

1 Stoner 2021.

2 См., подробнее: Tsygankov 2019.

3 Существуют, впрочем, и критики такого рода проецирования, о которых будет сказано в заключительном разделе статьи.

4 Cohen 1999.

«автократического» оставило мало места для обсуждения сформированных особой историей России черт – ее сплава поствизантийства и постмонгольства в политической культуре, сочетании административной силы и слабости, сурового климата, протяженной территории и ресурсного богатства, особой географии и постоянной необходимости утверждать государственный суверенитет во внешней политике и др.¹ Осмысление российской политики и международных отношений оказывается втиснутым в прокрустово ложе сравнительного западного обществоведения.

«Угроза» американской национальной безопасности

Сложнее развиваются реалистские исследования. В отличие от либералов, реалистам чуждо линейное понимание исторического процесса. Вместо поступательного движения к «концу истории», реалисты осмысливают общественное развитие как «взлет и падение великих держав», пользуясь определением известного историка и реалиста классической школы П. Кеннеди².

Однако и реалистам свойственно проецирование общественных ожиданий на характер и результаты исследований. Их отличие от либералов заключается в шкале ожиданий, которая связана не столько с внутривнутриполитическими ценностями, сколько с внешними угрозами национальной безопасности. В отношении России, американские реалисты убеждены, по словам У. Фуллера, что «когда российские государственные деятели спорят между собой относительно политики, которую должна проводить Россия, они обычно используют хладнокровный язык стратегии и анализа... определяя политику с точки зрения выгод для российской силы и безопасности»³.

Большинство американских реалистов классической школы от Дж. Кеннана до Г. Киссинджера описывали Россию как страну, склонную к внешнеполитической экспансии и представляющую угрозу интересам США. Корни таких представлений – в западном мышлении по крайней мере со времени российского подавления польского восстания 1830–31 гг. и революционных движений в Европе XIX-го столетия. Оценки России как экспансионистской являются общим местом в устах известных западных реалистов. Дж. Кеннан, как известно, считал советское государство продолжением российской имперской и экспансионистской традиции⁴, а исследователи вроде Дж. Миршаймера и Г. Киссинджера настаивали на стремлении России к региональной гегемонии⁵.

При этом немалая часть реалистов поддерживает внешнеполитический экспансионизм их собственной страны, рассматривая глобальное доминирование как условие национальной безопасности и мира. Например, Г. Киссинджер был убежден в невозможности для Америки быть геополитическим «островом», настаивая на важности глобальной вовлеченности на правах сверхдержавности

1 Tsygankov 2014.

2 Kennedy 1986.

3 Fuller 1992, 132.

4 X (George F. Kennan), "The Sources of Soviet Conduct," Foreign Affairs, July 1, 1947, accessed June 20, 2024, <https://www.foreign-affairs.com/russian-federation/george-kennan-sources-soviet-conduct>.

5 Mearsheimer 2001; Kissinger 1994, 438.

во всех основных регионах мира¹. Другой классический реалист-геополитик, З. Бжезинский, никогда не скрывал важности включения Восточной Европы и Украины в орбиту американского влияния².

В школе структурного реализма периода «однополярного» доминирования США и современного состояния американской внешней политики выделяются два подхода к России – умеренный и жесткий. Оба исходят из того, что Россия представляет собой потенциальную угрозу безопасности США, но в различной степени. Для Дж. Миршаймера, С. Уолта, Б. Позена и других Россия может быть необходимым, хотя и тактическим противовесом международным амбициям другой, более опасной растущей державы, Китая. В связи с этим данная группа считает важным проявлять большую гибкость в понимании интересов безопасности России, чем это делается, а также сдержанность во внешней политике, воздерживаясь от соблазнов вооруженного вмешательства на Ближнем Востоке³. После начала военного конфликта на Украине умеренные реалисты не раз выступали с критикой официальной политики США как противоречащей национальным интересам⁴.

Однако в американском структурном реализме есть и направление, выступающее с позиций внешнеполитической жесткости в отношении России. Большинство из представителей этого направления выступает за безусловное военно-политическое доминирование и активное пропагандирование западных интересов и ценностей. Поэтому в отношении внутренних ценностных приоритетов, представители этой группы часто близки либералам-институционалистам и даже иногда публикуют совместные с ними работы. Примером может служить статья «Не возвращайся домой, Америка», опубликованная в ведущем академическом журнале реалистской направленности *International Security* за авторством С. Брукса, Дж. Айкенберри и У. Уолфорта⁵. С. Брукс и У. Уолфорт известны как реалисты и авторы теории стабильности однополярного мира, в то время Дж. Айкенберри – институционалист, защищающий важность упрочения мировых политических организаций при ведущей роли США. Другой пример синтеза реалистско-либеральных воззрений с антироссийских позиций – теория «мягкой силы» Дж. Ная, выступающего за глобальное распространение ценностей плюралистической демократии и рыночной экономики, но не в целях добиться «эфемерной популярности», а в качестве «средства достижения желаемых Соединенными Штатами результатов»⁶.

В группе жестко настроенных по отношению к России реалистов – немало сторонников нанесения России стратегического поражения в конфликте на Украине, а также борцов с российскими технологиями в области информации и кибербезопасности⁷. Они, впрочем, наиболее активны за пределами академии, занимая позиции в мозговых центрах и публикуя свои работы в экспертных

1 Kissinger 2010.

2 Бжезинский 1998.

3 См., подробнее: Цыганков 2014, 2020.

4 См., например: John Mearsheimer, "The Causes and Consequences of the Ukraine Crisis," *The National Interest*, June 23, 2022, accessed June 16, 2024, <https://nationalinterest.org/feature/causes-and-consequences-ukraine-crisis-203182>.

5 Brooks et al. 2012.

6 Nye 2004.

7 Kroenig 2018; Marten 2020; Wohlforth 2020.

журналах и масс-медиа¹. В отличие от умеренных, призывающих к диалогу с Россией или к нахождению оптимального баланса сдерживания и диалога, сторонники жесткой линии выступают за победу над Россией или за более активное сдерживание с минимальным взаимодействием с российским руководством.

Таким образом, реалистам, как и либералам, свойственно восприятие России как принципиальной угрозы интересам США, а также проецирование индивидуальных и социальных ожиданий на исследования и рекомендации. При этом ряд реалистов демонстрируют способность к критической рефлексии в отношении политики собственной страны, а также диалогу с Россией по вопросам международной безопасности. Ограничения, налагаемые на такой диалог характером международной системы и пониманием национальных интересов, не закрывают для этой группы реалистов возможности осмысливать и частично воспринимать российское понимание мира и своих в нем интересов.

«Империя» против западного модерна

Непременной частью американского – и западного в целом – осмысления России в международных отношениях является подчеркивание ее имперских корней и устремлений, бросающих вызов западной модерности. Для стран Запада модерн связан с установлением национальных границ и формированием международного права суверенных государств-наций. В результате развития вооруженного конфликта на Украине нарратив имперской экспансии России стал в западных академических и политическом кругах одним из доминирующих. После 24 февраля 2022 г. немалое число представителей академического сообщества в США выступало и выступает за «отмену» всех, включая академические, связей с российскими исследователями. То, что многими в России рассматривается как сохранение исторически сложившихся отношений и связей, немалая часть западных исследователей описывает как характерную для «автократии» политику имперских амбиций и внешнеполитической экспансии.

«Имперскую» традицию следует отличать от реализма в его умеренном или радикальном варианте. Реалисты, как уже было сказано, исходят из того, что российское руководство прежде всего озабочено национальной безопасностью, а также увеличением силы и могущества на международной арене. По известному выражению У. Черчилля в фултонской речи, «нет ничего, чем они [русские] восхищаются больше, чем сила, и нет ничего, что они уважают меньше, чем военную слабость»². В имперской же традиции речь идет не только о внешнеполитической экспансии, но и ее примордиальной природе и вытекающего из нее стремления к завоеванию и порабощению других народов. В этой, лишь частично перекликающейся с радикально реалистской традицией – российские войны всегда, по крайней с петровских времен, преследовали цели расширения пространств империи и подавления других народов³.

1 См., например, публикации на сайтах Атлантического Совета, Института Брукингса, Совета по защите демократий, Центра Американского прогресса и других.

2 Sakwa 1998, 295.

3 Подробнее об этой теории, см.: Tsygankov 2012; Цыганков 2012.

В основе такой имперской политики исследователи видят не только мотивы руководства России, но и разделяемую в обществе «русскую идею» как в своей основе имперскую. Русские идеи национальной самобытности – славянофильство, евразийство и национальный коммунизм – рассматриваются в данном случае как принципиально враждебные идеям демократии и либерализма,¹ демонстрирующие ностальгию по империи и борьбе с Западом². Это же относится и к восприятию русских консервативных идей как антизападных³. Проецирование западных страхов и культурно-политических стереотипов имеет место и здесь. Любые попытки сформулировать национальную или культурно-цивилизационную идею как отличающуюся от западных ценностей нередко воспринимаются западными исследователями как прямой вызов «универсальной» идеологии Запада.

Неудивительно, что осмысление России как имперской, бросающей вызов самой модерности Запада получило новое рождение в условиях развития конфликта на Украине. Многие американские исследователи либеральной и иной ориентации усмотрели в российских действиях на Украине не борьбу за нейтралитет соседнего государства и обеспечение российской безопасности от расширяющейся военной инфраструктуры НАТО и США. Вместо этого, в действиях России увидели стремление Кремля забрать, вслед за Крымом, всю Украину, а в случае успеха – двинуться дальше на восток и запад Европы⁴. Согласно этой теории, в основе действий российского руководства – широкая поддержка империализма не только в элитах, но в широких слоях общества. Поддержку многими русскими военной операции восприняли как доказательство исторически сформированной имперской политической культуры, разделяемой широкими слоями населения. В политике России увидели практическую реализацию идей евразийцев и славянофилов о цивилизационной исключительности «русского мира», о непризнании украинского народа и самостоятельности его национальной памяти и политико-культурной идентичности. Общим местом стали обвинения российских политиков в агрессии и фашизме, чьи взгляды могли сформироваться под влиянием русских националистов вроде А. Дугина⁵.

Попытки русских защитить особые, исторически сформировавшиеся отношения с другими народами в Евразии воспринимаются лишь как агрессия и империализм России и российских властей. Именно так после окончания холодной войны трактовали попытки Москвы сохранить и укрепить отношения в бывшем советском регионе, за которыми виделось лишь стремление восстановить (нео) советскую империю. Конфликт на Украине стал удобным поводом убедить общественность, что любое поведение России связано с «имперскими амбициями», а Украины – с ее естественным стремлением к свободе и независимости.

1 Devlin 1999; Engelstein 2009.

2 Laruelle 2008; Katzenstein, Weygrant 2017.

3 Pipes 2005.

4 Jane Burbank, "The Grand Theory Driving Putin to War," New York Times, March 22, 2022, accessed June 20, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/03/22/opinion/russia-ukraine-putin-eurasianism.html>.

5 Imohty Snyder, "We Should Say It. Russia Is Fascist," New York Times, May 19, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>.

Например, по заявлению историка Йельского университета Т. Снайдера, Россия ведет колониальную войну с намерением уничтожения украинцев как народа¹.

Отсюда – многочисленные призывы «отменить» и «деколонизовать» Россию как государство и как культуру, подвергнуть остракизму и запрету произведения российской литературы, поэзии и т.д. Как известно, по этому пути запретов уже пошло украинское руководство. В академическом мире звучат призывы «деколонизовать» само изучение и преподавание России в университетах, сместив акценты на «порабощенные» народы и урезав ресурсы для изучения собственно России².

Политическое следствие осмысления политики России как ведущей к имперскому уничтожению других народов – необходимость не только силового противостояния руководству страны, но и ее «деколонизации», понимаемой как демонтаж российской территориально-государственной системы и разделение страны на несколько «неимперских» государственных образований³.

Тупики национального проецирования и попытки его преодоления

Таким образом, состояние американской академической мысли в целом не располагает к развитию интеллектуального диалога в мире. В особенности, если речь идет о диалоге с представителями национальных сообществ, ценности которых существенно отличаются от американских. Понимание сущего в США России здесь нередко сопряжено с вмешательством должного в процесс познания, в ущерб пониманию российских интересов, ценностей и мотиваций, а следовательно, – и объективному исследованию роли страны в международных отношениях. Это вмешательство не является формально-административным, а сопряжено с живучестью негативных стереотипов и эмоций у самих исследователей. Такие стереотипы и эмоции американских исследователей относительно других стран способны помочь пониманию и самих США⁴.

Примеров стереотипов и этноцентризма в политике и исследованиях международных отношений предостаточно. Во время холодной войны многие специалисты по Советскому Союзу преувеличивали угрозу, представляя советского Другого в качестве экзистенциального противника и зеркального отражения Америки⁵. После террористических атак на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. американские СМИ и аналитические центры оказались охвачены исламофобией⁶. Сегодня примером распространяющих фобии теорий может служить уже

1 Timothy Snyder, "The War in Ukraine Is a Colonial War," *The New Yorker*, April 28, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.newyorker.com/news/essay/the-war-in-ukraine-is-a-colonial-war>.

2 Тема «деколонизации» стала основной в докладе президента главной славистской ассоциации США ASEES (*Association for Slavic, Eastern European, and Eurasian Studies*) в 2023 г., см.: "ASEES 55th Annual Convention," ASEES, 2023, accessed June 16, 2024, <https://www.asees.org/convention/2023-asees-convention-theme>.

3 Botakoz Kassymbekova, and Erica Marat, "Time to Question Russia's Imperial Innocence," *Ponars Eurasia*, April 27, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence/>.

4 Изучение США под этим углом зрения плодотворно, хотя и выходит за рамки данной статьи. В случае если такое изучение было бы предпринято, оно могло бы привести к выводу, что консолидация взглядов на России американских либералов и реалистов отражает не только политико-идеологическую борьбу в международных отношениях, но и кризис национальной идентичности США, нуждающихся в образе внешнего врага в целях сплочения внутренних либеральных ценностей (См., подробнее: Tsygankov 2019; Цыганков 2020).

5 Foglesong 2007.

6 Об освещении в СМИ во время международных кризисов см. Boyd-Barrett 2016.

упоминавшиеся разработки гибридной войны. В условиях кризисов нейтральное, беспристрастное знание особенно ценно, но и особенно редко. В результате его отсутствия, государства нередко заняты не поиском решений, а нагнетанием страха и мифотворчеством¹. Теории, занятые превращением возможных партнеров в извечных противников, служат плохую службу политикам, осложняя ситуации кризиса в международных отношениях. Непредвзятый, объективный анализ был и остается в дефиците. Усиливая эрозию доверия к знаниям, в мире распространяются полуправда и мифотворчество, когда факты больше не имеют значения, а используются или изобретаются политиками в своих интересах².

Чаще всего отмеченные эмоции и стереотипы являются отражением образа национального «Я» и результатом исторического опыта взаимодействия США и России. Национальное сообщество и его представители – в данном случае академические исследователи российских реалий – проецируют свои ожидания и эмоции на объект своего внимания. Проблема проецирования не нова и характерна не только для США, а для любой крупной культуры. Поэтому задача стремящегося к объективности исследователя – осознать проблему и сопротивляться ее воздействию на результаты своей работы. В лучшем случае проецирование ведет к искаженному, одностороннему пониманию России, в худшем – к русофобии и развитию упомянутых стереотипов в познании и политике. И в том, и в другом случаях отсекаются возможности комплексного, всестороннего понимания объекта изучения, исключается перспектива широких совместных международных исследований и политического диалога в мире.

Не случайно известные и широко растиражированные на Западе идеи вроде либеральной теории «конца истории» Ф. Фукуямы³ и близкой к реализму теории «столновения цивилизаций» С. Хантингтона⁴ нередко критиковались российскими (и не только) учеными как несостоятельные⁵. Тезис Ф. Фукуямы был сформулирован в консервативном западном контексте конца 1980-х гг. и обосновывал глобальное распространение рыночной демократии западного стиля. Фукуямовская теория «конца истории» отвергалась в России дважды – до и после распада СССР – и с течением времени российское восприятие теории как проамериканской, ограничивающей социальное творчество в мире и игнорирующей интересы России только усилилось. Что касается хантингтоновской теории столкновения цивилизаций, многие российские исследователи увидели в ней потенциал дестабилизации евразийского региона и мира в целом, подрыв плюрализма цивилизаций, создание ненужных врагов в лице Китая и мусульманского мира и эксплуатацию внутренней уязвимости России.

Причины такого восприятия связаны как с наличием межкультурных границ и различий в политических интересах, так и этноцентризмом самих теорий американских авторов. Ни тот, ни другой не собирались учитывать, как они будут восприняты за пределами США. Ф. Фукуяма исходил из единых, задаваемых

1 Mearsheimer 2011.

2 Tom Nichols, "How America Lost Faith in Expertise," *Foreign Affairs*, March/April 2017, accessed June 16, 2024, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-02-13/how-america-lost-faith-expertise>; Drezner 2017.

3 Fukuyama 1992.

4 Huntington 1996.

5 Tsygankov 2004.

Западом стандартов модернизации, в то время как С. Хантингтон подразумевал априорную враждебность незападных культур.

Для сравнения отметим, что российское сообщество международных отнеслось с симпатией к теории мир-системы критически мыслящего И. Валлерстайна¹. Многократно раскритикованная на Западе и не безупречная в академическом отношении, данная теория подвергла критике установки на приоритет стабильности и процветания Запада за счет остальной части мира. Для И. Валлерстайна мир-система с западным «центром» и незападной «периферией» – состояние, заслуживающее критики и нуждающееся в трансформации, в которой активную роль должны играть все мировые участники, а не только ее «центр». На такую трансформацию и равноправие в мире была ориентирована академическая и публицистическая деятельность И. Валлерстайна, и не случайно, что за пределами Запада к ней отнеслись серьезнее, чем в академическом мейнстриме США. Показательно, что в России одобрительные ссылки на труды ученого преобладают. Подавляющая часть российских международных видит в нем большего авторитета, нежели рассмотренных выше теоретиков. И. Валлерстайн справедливо воспринимается как менее этноцентричный и открытый для понимания незападными культурно-цивилизационными сообществами. В американском академическом сообществе немало тех, кто стремится к преодолению упомянутой выше проблемы этноцентризма и национального проецирования. Их исследования не задавали и не задают тон в мейнстримном понимании России. Кроме того, в условиях все более заметного сдвига российско-американских отношений к модели политико-идеологической и частично военной конфронтации, стремящихся к объективности исследований будет еще меньше. Тем не менее в той мере, в какой сохранится пространство для различных позиций, сохранятся и альтернативные, неидеологизированные исследования, которые смогут оказывать влияние на молодое поколение ученых-обществоведов. До сих пор такого рода исследования проводились как критиками либерально-реалистско-имперского консенсуса, так и рефлексивно настроенной частью мейнстрима. К первым относятся представители критических и постструктуралистских теорий, работающих в области международных отношений, социологии, географии, истории и других дисциплин. Ко вторым – умеренные реалисты, не закрывающие глаза на злоупотребления властью самих Соединенных Штатов и выступающие за активизацию дипломатии в отношениях с Россией. Объединяющей чертой всех этих исследований является способность к более широкому осмыслению международных проблем и выходу за пределы национального проецирования. Главным становится понимание сущего. При этом должное не исчезает из внимания, но усложняется, позволяя более взвешенное и рефлексивное осмысление не только российского, но и национального.

В качестве примера кратко рассмотрим недавние исследования представителей реализма и критической геополитики, анализирующие отношения России и ее ближнего окружения. Осмысление российских интересов и мотиваций

1 См. например, подборку откликов на работы ученого в журнале Космополис, зима 2003–2004, № 1 (7), в которой в качестве критика выступил лишь В. Иноземцев.

в данном случае принципиально отличается от понимания тех, кто работает в рамках американского академического консенсуса. Такое осмысление связано со стремлением связать российские интересы с защитой безопасности и суверенитета, осмысливая широкий исторический и географический контекст взаимодействия России с другими державами Запада и Евразии. Историки-слависты, географы и международники-реалисты не склонны рассматривать российскую политическую систему как раз и навсегда данную. Процессы формирования границ также анализируются ими как социально обусловленные, оспариваемые и подлежащие постоянному переосмыслению¹.

Например, в книге «Ближнее зарубежье: Путин, Запад и соперничество за Украину и Кавказ» географ и представитель критико-геополитического направления Дж. Тоал доказывает, что пограничные страны слишком часто рассматриваются Россией и Западом по манихейскому принципу, хотя в этих странах не сложилось единого нарратива или согласия относительно идентичности и стратегических принципов отношений с внешним миром². Соперничество внешних держав еще более осложняет достижение национального единства, способствуя дестабилизации промежуточных земель. Выводам Дж. Тоала оказалась созвучной работа близких к реалистскому мышлению С. Чарапа и Т. Колтона «Все – в проигрыше: Украинский кризис и губительное соперничество за пост-советскую Евразию»³. Авторы указали в том числе на важность понимания интересов России и необходимость выстраивания совместной системы безопасности в регионе во избежание развития конфликтов.

В качестве контраста напомним о вышедшей в 2019 г. книге М. Оренстайна из Пенсильванского университета о шести странах Восточной Европы и Кавказа, расположенных между Евросоюзом и Россией (Молдавия, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Азербайджан)⁴. Подход М. Оренстайна мейнстримен и противоположен работам Дж. Тоала, С. Чарапа и Т. Колтона. Следуя описанному выше шаблону, автор рассматривает деятельность России в регионе «промежуточных земель» исключительно через призму «гибридного» и имперского противодействия Западу. С позиций развития вооруженного конфликта на Украине, М. Оренстайн мог бы утверждать, что правильно предсказал поведение России. Однако конфликт не был неизбежен, став результатом взаимодействия трех сторон: России, Украины и Запада. Россия неоднократно предпринимала попытки создания совместных структур безопасности в регионе, но не встречала понимания со стороны украинских и западных лидеров. М. Оренстайн не уделяет этим попыткам значимого внимания, игнорируя и альтернативные подходы к анализу проблемы. Например, книга Дж. Тоала – одного из заметных и уважаемых представителей «критической геополитики» – была опубликована за полтора года до книги М. Оренстайна, однако последний не обнаружил какого-либо знания работ Дж. Тоала.

В американском изучении России имеется немало примеров и других, заслуживающих внимания работ исследователей. Сопротивляясь мейнстриму,

1 Rieber 2014; SuNew York, Kivelson 2017.

2 Toal 2017.

3 Charap, Colton 2016.

4 Orenstein 2019.

они руководствуются пониманием, что достигнутое в одном обществе знание не должно вести к углублению изоляции и недоверия в других обществах. В многокультурном мире интеллектуалы ответственны за то, как создаваемые ими проекты воспринимаются за пределами «родного» для них социокультурного контекста. В их власти – способствовать диалогу культур, а не утверждению превосходства одних народов над другими. Без движения в этом направлении поиск истины обречен, а исследователи будут склонны подчиняться приоритетам националистической идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бжезинский, З. Великая шахматная доска. М., 1998.
- Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostategic Imperatives*. Moscow, 1998 [In Russian].
- Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3. С. 33–44.
- Tsygankov, Andrei P., and Pavel A. Tsygankov. "The Crisis of the 'Democratic Peace' Argument." *International Processes* 3, no. 3 (2005): 33–44 [In Russian].
- Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Социология международных отношений. М., 2006.
- Tsygankov, Andrei P., and Pavel A. Tsygankov. *Sociology of International Relations*. Moscow, 2006.
- Цыганков, А.П. Экспансионизм – не догма // Россия в глобальной политике. 2012. Выпуск № 3.
- Tsygankov, Andrei P. "Expansionism is not a Dogma." *Russia in Global Affairs* 3 (2012) [In Russian].
- Цыганков, А.П. Отложенный полицентризм // Россия в глобальной политике. 2014. Выпуск № 4.
- Tsygankov, Andrei P. "Procrastinated Polycentrism." *Russia in Global Affairs* 4 (2014) [In Russian].
- Цыганков, А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Международная аналитика. 2020. № 11(2). С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>.
- Tsygankov, Andrei P. "Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition." *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (2020): 28–44 [In Russian].
- Boyd-Barrett, Oliver. *Western Mainstream Media and the Ukraine Crisis: A Study in Conflict Propaganda*. London, 2016.
- Brooks, Stephen, Ikenberry, John, and William Wohlforth. "Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment." *International Security* 37, no. 3 (Winter 2012/2013): 7–51.
- Charap, Samuel, and Timothy J. Colton. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. New York: Routledge, 2016.
- Cohen, Stephen F. "Russian Studies Without Russia." *Post-Soviet Affairs* 15, no. 1 (1999): 37–55. <https://doi.org/10.1080/1060586X.1999.10641461>.
- Devlin, Judith. *Slavophiles and Commissars: Enemies of Democracy in Modern Russia*. New York, 1999.
- Drezner, Daniel. *The Ideas Industry*. New York, 2017.
- Engelstein, Laura. *Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path*. Ithaca, 2009.
- Fish, Steven. *Democracy from Scratch*. Princeton, 1995.
- Foglesong, David S. *The American Mission and the 'Evil Empire': The Crusade for a 'Free Russia' since 1881*. Cambridge, 2007.
- Frye, Timothy. *Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia*. Princeton, 2021.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.
- Fuller, William S. Jr. *Strategy and Power in Russia, 1600-1914*. New York, 1992.
- Greene, Samuel A., and Graeme B. Robertson. *Putin v. the People: The Perilous Politics of a Divided Russia*. New Haven, 2019.
- Huntington, Samuel. *Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New Yoek, 1996.
- Ikenberry, John. "Rethinking the Origins of American Hegemony." *Political Science Quarterly* 104, no. 3 (1989): 375–400.
- Inayatulla, Naeem, and David Blaney. *International Relations and the Problem of Other*. London, 2004.
- The Culture of National Security*, edited by Peter Katzenstein. New York, 1996.
- Katzenstein, Peter. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, 2009.
- Katzenstein, Peter, and Nicole Weygrant. "Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies." *Perspectives on Politics* 15, no. 2 (2017): 428–442. <https://doi.org/10.1017/S153759271700010X>.
- Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of Great Powers*. New York, 1986.
- Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New York, 1994.
- Kissinger, Henry. *World Order*. New York, 2010.
- Kroenig, Matthew. *The Logic of American Nuclear Strategy*. New York, 2018.
- Kroenig, Matthew. *The Return of Great Power Rivalry: Democracy Versus Autocracy from the Ancient World to the US and China*. New York, 2020.
- Laruelle, Marlene. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC, 2008.
- Marten, Kimberley. "NATO Enlargement: Evaluating Its Consequences in Russia." *International Politics* 57, no. 3 (2020). <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>.
- Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, 2001.

Mearsheimer, John. *Why Leaders Lye: The Truth about Lying in International Politics*. New York, 2011.

McFaul, Michael. *Russia's 1996 Presidential Election: The End of Polarized Politics*. Stanford, 1997.

Nye, Joseph. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004.

Orenstein, Mitchell. *The Lands in Between*. New York, 2019.

Pipes, Richard. *Russian Conservatism and Its Critics*. New Haven, 2005.

Renz, Bettina. *Russia's Military Revival*. Cambridge, 2018.

Rieber, Alfred J. *The Struggle for the Eurasian Borderlands*. Cambridge, 2014.

Sakwa, Richard. *The Rise and Fall of the Soviet Union*. London, 1998.

Stoner, Kathryn. *Russia Resurrected: Its Power and Purpose in a New Global Order*. New York, 2021.

Suny, Ronald, and Valerie Kivelson. *Russian Empires*. New York, 2017.

Suchkov, Maxim A. "Whose Hybrid Warfare? How 'The Hybrid Warfare' Concept Shapes Russian Discourse, Military, and Political Practice." *Small Wars & Insurgencies* 32, no. 3 (2021): 415–440. <https://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>.

Toal, Gerard. *The "Near Abroad."* New York, 2017.

Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives, edited by Guillermo O'Donnell,

Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead. Baltimore, 1991.

Transitions to Democracy: A Comparative Perspective, edited by Kathryn Stoner and Michael McFaul. Baltimore, 2013.

Tsygankov, Andrei P. *Whose World Order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War*. South Bend, 2004.

Tsygankov, Andrei P. "Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia's Foreign Policy. 'Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit?'" *Europe-Asia Studies* 64, no. 4 (2012): 695–713. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.671568>.

Tsygankov, Andrei P. *The Strong State in Russia*. New York, 2014.

Tsygankov, Andrei P. *The Dark Double*. New York, 2019.

Tsygankov, Andrei P., Tsygankov, Pavel A., and Haley Gonzales. "Putin's 'Global Hybrid War': The U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council." *Russia in Global Affairs* 1, January–March 2021. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-146-172>.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. New York, 1979.

Wohlforth, William. "Realism and Great Power Subversion." *International Relations* 35, no. 4 (2020): 459–481. <https://doi.org/10.1177/0047117820968858>.

Zarakol, Ayse. *Before the West*. Cambridge, 2022.

Сведения об авторах

Андрей Павлович Цыганков,

профессор международных отношений и политических наук

Калифорнийского Университета Сан-Франциско

94143, США, Сан-Франциско, 1600, Холлоуэй Авеню

e-mail: andrei@sfsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 апреля 2024.

Переработана: 20 июня 2024.

Принята к публикации: 24 июня 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цыганков, А.П. Сущее и должное: социология изучения России в США // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 18–35.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-18-35>

What Is and What Should Be: Sociology of Studying Russia in the U.S.

ABSTRACT

The article examines the process of knowledge formation about Russia in American academia since the end of the Cold War. The article's hypothesis is that knowledge formation largely reflects the social and national and cultural conditions of the country and its research community. Although many scholars strive for objectivity and ethical detachment from the object of their research, they most often approach its study from positions that reflect and project the interests and values of the societies in which they work. This hypothesis is formulated within the framework of the sociological approach to knowledge formation undertaken in the article, which involves understanding the conditions of its formation and the social demands that it meets. American knowledge about Russia, which they have long viewed and continue to view as a threat and challenge to the interests and values of the United States, bears the stamp of national assumptions, preferences, beliefs, and emotions. In studying reality, they are far from always able to free themselves from the American understanding of what should be, projecting into their research how, in their opinion, Russia should develop. Since the second half of the 2000s, this gap has been widening. Compared to the Cold War, knowledge about Russia in America has lost its former status of priority and privilege, and has become more politicized, especially in matters affecting international security and the politics of values. In addition, this knowledge has been integrated into generally accepted theories of international relations and comparative politics in the West. These changes reflect Russia's declining status in the international hierarchy compared to the United States and the growing conviction of American social scientists in the universal validity of their approaches and theories. Contemporary Russia is increasingly perceived as developing in the wrong direction, threatening Western "liberal democratic" values and security, and, with its desire to be an "empire," the very structures of modern society. Although not all American researchers share such concepts and theories, the latter express the mood of the mainstream in both politics and science. The final part sums up the results and discusses the possibilities of forming less biased and ideologically loaded knowledge about Russia. Approaches to obtaining such knowledge in the United States exist, although they do not dominate.

KEYWORDS

sociology of knowledge, Russia, U.S., liberalism, realism, empire

Author

Andrei P. Tsygankov,

Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University

1600 Holloway Ave, San Francisco, U.S., CA 94132

e-mail: andrei@sfsu.edu

Additional information

Received: April 1, 2024. Revised: June 20, 2024. Accepted: June 24, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tsygankov, Andrei P. "What Is and What Should Be: Sociology of Studying Russia in the U.S."

Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 18–35.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-18-35>